

ЮРИЙ ГОЛУБИЦКИЙ



УТОМЛЕНИЕ НАСТУПАЮЩЕГО ДНЯ

РАССКАЗ

Наше знакомство с литератором, кинематографистом, социологом Юрием Александровичем Голубицким состоялось уже далёкой осенью 1993 года. Буквально через несколько дней после кровавой бойни в Останкино и расстрела Белого дома на Красной Пресне он принёс в редакцию очерк-репортаж “Роковой выстрел (свидетельство очевидца)”, который и был опубликован в ближайшем номере журнала — № 1 за 1994 г. С тех пор наши творческие и личностные контакты развивались по нарастающей. Они касались не только дел литературных, но и участия в деятельности Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н. И. Рыжкова), где 18 лет Ю. Голубицкий являлся управляющим делами, литературно-театральной премии “Хрустальная роза Виктора Розова”: он стал одним из двух её соучредителей, вице-президентом Благотворительного фонда поддержки премии и неизменным директором.

Последнее десятилетие оказалось наиболее плодотворным и в литературном творчестве Ю. Голубицкого. Выходят в свет сборник рассказов и повестей “Ожидание” (2002), романная дилогия “Бег волчицы во мгле” (2005), сборник социологических этюдов “Бизнес по-русски” (2008), монографическое исследование “Социология и литературный процесс” (2010). И это помимо регулярных публикаций в литературных журналах и периодике. За яркие творческие достижения и плодотворную литературно-организационную деятельность Юрий Голубицкий удостоен в 2007 г. звания лауреата престижной литературной премии преп. кн. А. Невского “России верные сыны”. Награждён медалью РПЦ преп. Сергея Радонежского I степени (2002).

16 января 2012 г. Ю. А. Голубицкому исполняется 65 лет. Мы желаем другу нашего журнала, нашему давнему и верному товарищу здоровья, счастья и неистощимого творческого вдохновения!

Резкий гудок покидающего соседнюю стоянку туристического автобуса вывел Сергея Павловича Хомякова из забытья. Он открыл глаза и через лобовое стекло своего микроавтобуса тотчас различил на ближайшей к парковочной площадке скале... тёмный профиль питекантропа в овальном медальоне. Усмехнулся: “Надо же такому привидеться!”.

Скала была залита полуденным солнечным светом, тени легли контрастно, делая ещё более рельефным каждый выступ, каждую впадинку на скальной породе. В том, кто автор этого жутковатого барельефа, сомневаться не приходило: искусница-природа способна и не на такие странные искусства!

Смущало Хомякова, что прямо от короткого широкого горла примата внутрь овала, составлявшего его тело, лихо закручивался острый поросячий хвостик, отчего знак по форме походил на большую плакатную запятую, или некое иносказание. И вот уже не причудливой игрой природы воспринял Хомяков взволновавший его профиль, а элементом дьявольского символа, рядом с которым поблизости вполне мог притаиться ещё какой-то ёрнический символ-знак...

Конечно, всё это вполне можно было объяснить последствиями недавно пережитого кислородного голодания. Ощутил его Хомяков примерно двумя часами ранее на станции “Мир”, расположенной на отметке 3500 метров от уровня моря. Едва он вышел из вагона канатной дороги на склон Эльбруса, как почувствовал удушье и головокружение, а после нескольких неуверенных шагов по рыхлому мокрому снегу, покрытому коркой ноздреватого хрусткого льда, критически ослабли ноги, сердце замедлило биение, с трудом проталкивая кровь через склеротические сосуды. Пришлось замереть на томительную минуту, не меньше, и продолжать путь воистину черепашими шажками, то и дело останавливаясь, чтобы купировать очередной спазм в груди.

Опытный экскурсовод, заметив недомогание своего пожилого подопечного, подошел к Сергею Павловичу, деликатно успокоил: с кем ни случается! Посоветовал не дожидаться всей группы, а после традиционной фотосессии отправиться вниз, в долину, лучше всего — напрямик в доставивший их к Эльбрусу микроавтобус. Прикорнуть там часок — в поездку пришлось вставать ни свет ни заря, да ещё сама дорога почти в две сотни километров, тут и юноша “поплывёт” от усталости, что уж говорить о солидном господине...

“Солидный господин” так и поступил. Выслушал короткий рассказ экскурсовода о горной гряде, раскинувшейся перед ними, о вкрапленных в неё пиках выше трёх тысяч метров, сфотографировался с группой на фоне развоенной вершины Эльбруса и, стараясь не привлекать внимания, вернулся к посадочной площадке. Дождался пустого вагончика и в два этапа с пересадкой спустился к подножию горы. Без проблем отыскал на парковке микроавтобус, согрелся, свернувшись калачиком на мягком удобном сиденье, перекусил неспешно из санаторского сухого пайка, запил безвкусные бутерброды соком из 200-граммового картонного пакета и провалился в дрему...

Вроде бы отпустило, — решил Хомяков, внимательно отслежив симптомы становящегося всё более ненадежным организма. Он знал по опыту, что окончательно купировать последствия приступа удастся не ранее завтрашнего дня, что носить ему в себе ощущение общей тяжести, перемотать спазмы и покальвания там и тут и всплески сердечной аритмии весь экскурсионный день. Это как похмелье. В данном случае похмелье от излишней самонадеянности. Но ведь Хомяков и подумать не мог, что Эльбрус встретит его столь неприветливо.

В позапрошлом году, отдыхая в Пятигорске, он в схожей поездке побывал на Домбае. И — ничего, выдюжил. Еще как выдюжил!.. В три пересадки по канатной дороге поднялся к самой вершине, а там, перед прикрытым облаком пиком, нанял мотосани и на них совершил несколько крутых виражей по снежному склону. Трясло немилосердно. Каждая кочка, каждая впадинка на прогулочной трассе, коварно прикрытая снегом, отдавалась болезненным толчком в поясницу, ягодицы. Чтобы не вылететь из седла позади довольно ухмыляющегося аборигена, приходилось изо всех сил удерживаться за боковины мотосаней, перенапрягая мышцы рук, спины, ног.

Потом, ощущая ломоту во всём отвыкшем от физических нагрузок теле, да ещё и изрядно проголодавшись, он выбрал дощатый шалман попримитивней, где и выказал желание отведать суп-харчо. Такого блюда в меню не значилось, но ему пообещали приготовить в индивидуальном порядке и вскоре принесли тарелку разогретой в микроволновке похлебки, в которой преобладали картофель, серые макароны и волокнистые, предельно разварившиеся овощи.

Удручал не сам по себе пресловутый общепит: когда он в нашей стране был приличным? Удручало почти не скрываемое презрение со стороны “гордых сынов гор” к туристам из равнинной России. Удручала свалка нечистот, в которую превратили и те и другие хаотично застроенное подножье Домбая и уникальные альпийские луга на первой станции подъёма. Хомякову, познавшему европейские горные курорты, оставалось утешаться этой самой европейской альтернативой; что ж, не Кавказ, так Альпы, Пиренеи, Карпаты — кому от перенаправления туристических потоков к заграничной географии будет хуже? Да, тогда для него ещё сохранялась перспектива достойно отдохнуть в горах. Теперь, похоже, горы в принципе стали не для него. И ведь прошло всего-то пару лет...

Первой из туристической группы вслед за Хомяковым в салон микроавтобуса вернулась молодая стройная блондинка. Это из-за неё им всем пришлось поколесить по Эссентукам, вместо того чтобы сразу после сбора, не мешкая, отправиться в долгий путь и реализовать немаловажный шанс опередить другие группы, следующие по тому же маршруту на более тихих больших автобусах. Женщина каким-то образом умудрилась разминуться со своим сыном и в растерянности суетливо, бессистемно посылала водителя к различным проходным санатория “Шахтёр”, привольно раскинувшегося на пространстве нескольких городских кварталов. Группа возроптала, потребовала прекратить поиски недостающего туриста — сам виноват, неча, неча! — и следовать по маршруту. Отчаявшаяся мать срезала обидчиков в их же манере, чем настроила против себя и тех попутчиков, кто доселе хранил молчание. По салону прокатился угрожающий ропот. Почти что вылезл хорошенький скандальчик. И тогда вмешался Хомяков...

Придав голосу баритональный тембр, искусно играя обертонами, Павел Сергеевич выказал поддержку вконец расстроенной матери, пристыдил попутчиков и заявил, что “будем кружить по городу хоть до Второго пришествия, пока не отыщем мальчишку”. И всё это изложил громким, уверенным, но спокойным голосом, с неизменным обращением к грубиянам исключительно на “Вы”, с нарочито старорежимными выражениями: “милостивыми сударями” и “сударынями”. Туристы притихли. И тогда грузный экскурсовод, устроившийся на сиденье возле водителя и до сих пор выдерживавший в перепалке нейтралитет, отчетливо кивнул головой и тем самым решил сомнения бузотёров; поддержала, значит, Хомякова администрация, одобрила его миротворческие усилия. И надо же, в это самое мгновение, воистину словно из-под земли, возник “мальчишка”! Лет эдак не менее шестнадцати: старшеклассник или даже студюоз. Был он так расстроен и смущен, так неподдельно обрадовался обретению мамочки, что растрогал даже самых прожжённых скандалистов. Да и были ли такие в экскурсионной поездке? Люди как люди, какова жизнь, такова и реакция на неё...

Постепенно растаяли колкие ледышки злости, по салону снова прокатился гул, на сей раз явно одобрительный. Кто-то даже сподобился на шутку. Шутка получилась никакой: набор малосвязанных между собой слов, сопровождаемых хихиканьем, но ситуации необходим был не смысл, а сам факт шутки: шутим, значит, помирились. Смеялись громко и долго, можно сказать, истерично, почти каждый что-то выкрикнул, множа бессмыслицу, но и продлевая, распаляя смех. Отсмеялись и с чувством выполненного долга затихли, невольно косясь на “архитектора мира” — Хомякова, с почтением и лёгкой опаской. Сергей Павлович понял: огньне он неформальный лидер группы, а если приведётся, то и третейский судья...

— Скажите, пожалуйста, — обратился Хомяков к блондинке, — что Вы различаете в овальном барельефе на скале?

Он четко объяснил попутчице, где именно на скале располагается оваль- ный барельеф, ни разу (особая гордость ритор!) не ткнув пальцем в прост- ранство перед собой.

— Орла на вершине скалы, — практически без промедления с улыбкой ответила блондинка.

То, что с улыбкой и без промедления — обрадовало Хомякова. Значит, у него есть реальные перспективы в отношениях с прельстительной дамоч- кой. Пусть не сегодня, пусть даже не завтра; до конца курортного срока у Сергея Павловича оставалась целая неделя... Недели-то уж точно хватит. Да, но откуда она взяла орла на горной вершине?

Орел, оказывается, был, и тоже в овале — правее и чуть выше питека- нтропа. Сергей Павлович, признав правоту попутчицы, убежденно заключил, что не случайно взгляд такой обворожительной женщины выделил на скло- не скалы орла — символ, или, как сказали бы сейчас, логотип Кавказских минеральных вод ещё со времен их основания при “проклятом царизме”, а вот его взгляду лукавый подсунул куда как мерзкое создание. Ох, не слу- чайно!

Блондинка с новой подсказки Хомякова добралась-таки взглядом до его барельефа и тотчас назвала считанное изображение обезьяной. Хомяков пох- валил попутчицу за способность различать в, казалось бы, хаотическом на- боре линий, теней и световых пятен конкретные рисунки. Заметил, уже без тени иронии, что такая способность к выделению *динамической метафоры* свидетельствует о склонности к кинематографическому творчеству.

Дамочка с возросшим почтением глянула на Хомякова; кинематограф, к которому, как видно, имел отношение её новый знакомый, оставался в на- роде престижной профессией.

— А как вас звать, прекрасная незнакомка?

— Просто Наташа...

— Ну что ж, пусть будет “Просто Наташа”... Простенько и мило, как название незабвенного мексиканского телесериала. Помните?

Напряженная улыбка “просто Наташи” подсказала Хомякову, что его собеседница не помнит первого на отечественном телевизионном экране се- риального “мыла” под названием “Просто Мария”, возможно, даже не смот- рела его вовсе. Вполне могла помнить мама её, судя по возрасту дочери — ровесница Хомякова.

— Я покину вас ненадолго...

Следовало дать Наталье в одиночестве спокойно разобраться с только что состоявшимся знакомством и окончательно принять или отвергнуть перспективу традиционного курортного романа. Да и самому подготовиться к неблизкой дороге. “Покурить и оправиться!” — как в годы армейской мо- лодости Хомякова командовал перед посадкой в автобус их оркестровый старшина.

По дороге в Эссентуки заехали в ущелье, название которого Павел Сер- геевич, конечно же, не запомнил. Попили тепловатой, насыщенной солями минеральной водички из мощного источника, и гуськом вслед за экскурсово- дом проследовали к подъёмнику. Представлял он собой просторную железн- ую платформу с дощатым настилом, которая усилием упрятанных под нее электромоторов протаскивалась по выложенным на склоне горы рельсам к площадке на примерно 50-метровую высоту.

Управлял этим архаичным механизмом мужчина лет сорока из местных, словоохотливый, почти без акцента изъясняющийся на русском языке. Пока поднимались, он успел поведать с наигранной грустью, что за два десятиле- тия нового пришествия капитализма подъёмник ни разу не ремонтировали, хотя еще в середине восьмидесятых был готов проект его коренной рекон- струкции и вроде бы даже успешно решался вопрос финансирования.

Тема наступившей с падением советской власти разрухи была в послед- ние годы в стране беспроегрешной. Вот и здесь, в кавказском ущелье, ее с готовностью поддержали туристы из разных регионов России. Только вот за страстными обличениями “власти чистогана” как-то не обратили внимания на такой “пустяк”, как полное игнорирование на подъёмнике правил безо-

пасности пассажиров. Людей набилось на платформе, что сельдей в бочке, и при этом никакого ограждения по периметру, никакой надёжной опоры, за которую можно было хотя бы ухватиться. Случись встряска, многие слетели бы с платформы.

На кого не действовала демагогия горца, так это на Сергея Павловича. Он был убежден, что абориген-жалобник и является нынешним владельцем подъёмника; приватизировал за копейки по остаточной цене и за два десятка лет “наварил” на нём немалый капитал. Из доходов этих вполне мог бы установить новый подъёмник, хотя бы того, советских времён, проекта реконструкции. Однако разоблачать хитреца не стал: подъём короток, Бог даст, пронесёт, к тому же не хотел в глазах Натальи прослыть склочником.

Хомяков отыскал Наташу взглядом в толпе и просочился к ней и ее сыну. Когда наступила пора сходить на склон, галантно предложил руку помощи, хотя никакой помощи и не требовалось, более того, суетясь возле дамы, он только помешал другим туристам, да и самой Наталье тоже.

Прибывшие на альпийскую поляну две туристические группы разделились на группы по несколько сблизившихся в поездке человек и, выдерживая разумную дистанцию, начали восхождение по тропе, проложенной у кромки высокого берега. Хомяков, Наташа и сын её по имени Александр составили одну из таких группок.

Вскоре Сергей Павлович понял, что объективно служит помехой маленькой сплочённой семье. И Наташа и Александр находились в прекрасной спортивной форме, чем никак не мог похвастаться тучный, страдающий отдышкой Хомяков. О том, чтобы ему галантно опекал даму, страхуя от падения с крутого берега в опасные воды, и речи быть не могло. Дай Бог самому удержаться на круче!

Такое открытие не добавило Хомякову энтузиазма. Он ощутил жалость к ущербной семье, и, как противовес этому чувству — ещё пока не оформившееся, но зреющее недовольство собой, своим кобелиным поведением, особенно некрасивым и безнравственным в его преклонном возрасте.

Но главное всё же было не в этом. Он до сих пор так и не ощутил подлинного желания в отношении привлекательной блондинки... Надеялся, что оно возникнет, но время шло, всё явственней наваливалась усталость, а страсти, которая в конечном итоге способна оправдать всё: пошлость ситуации, косые взгляды и откровенные ухмылки окружающих, даже угрызения собственной совести, — такой страсти он так в себе и не ощутил... Всего более ему сейчас хотелось продолжать лежать на упругой мягкой траве обширной поляны, застывшими зелёными волнами поднимающейся к вершине горной гряды, и бездумно наблюдать за нескончаемым падением воды с полукруглого каменного уступа: с того места, которое он и его попутчики облюбовали для привала перед спуском в долину, открывался прекрасный вид на водопад.

...На спуске Хомяков отделился от Наташи и её сына. В прямом и переносном смыслах. В микроавтобусе тотчас заснул и проспал глубоким сном без сновидений до вечера, когда микроавтобус уже подъезжал к окраине Ессентуков. Сергей Павлович притворялся спящим до той поры, пока у проходной “Шахтёра” не вышли Наталья с сыном...

С этого дня время для Хомякова словно утратило свою пульсирующую энергию и замедлило бег. Так, тормозя перед последним на дистанции препятствием — рвом с водой, замедляет свой бег уставший стайер, поняв, что эту преграду ему уже не преодолеть с ходу и эффектно, а предстоит переползать под сочувственные взгляды почтенной публики на трибунах, смех и колкие шуточки молодых пересмешников.

Поездка в горы в определённом смысле явилась для Павла Сергеевича рубежом. После неё он окончательно уяснил, что вступил в прекрасную своей беззаботностью пору созерцания, следовательно, стал созерцателем. Теперь же он покорно, и надо заметить — не без облегчения, признался сам себе, что мужские подвиги его — в прошлом... Смотри распахнутыми глазами в прекрасный мир, подмечай в нём ранее проигнорированные детали и нюансы, радуйся каждому прожитому дню, благодари за него судьбу.

Как-то после завтрака и недолгих медицинских процедур он прогуливался в обширном городском парке — гордости Эссентуков. Миновав вход, сошёл с недавно благоустроенной центральной аллеи на едва различимую грунтовую тропу и буквально через несколько шагов был поглощён густыми зарослями свежей весенней зелени. Проплутав в них, Хомяков нашёл давно не крашенную скамейку в окружении разросшихся кустов сирени, черемухи, жасмина, устроился на ней и, прикрыв глаза, с упоением слушал птичье пение, вдыхая в лёгкие настоянный на цветущем разнотравье целебный прохладный воздух невидимых отсюда, но недалёких гор.

Неожиданно его разбудил и заставил встрепетаться колокольный звон. Многослойный звук потревоженной меди, щедро, как тотчас уловил Сергей Павлович, облагоустроенной серебром, отлетал от явно недалёкой звонницы, проплывал густыми невидимыми пластами над головой на уровне невысоких в предгорье кучевых облаков и постепенно иссякал, оставляя по себе лёгкое эхо в ушах.

Повинуясь не столько осознанному решению, сколько неясному чувству, Хомяков поднялся на ноги, натянул на тёплые от солнца волосы белую бейсболку с длинным козырьком и двинулся к источнику звука. Направление движения было выбрано без колебаний, ибо и тонкий “высотный” слух, и уникальное чувство пространственной ориентации, подмеченное ещё преподавателем топографии офицерского училища, к счастью, оставались верны Хомякову.

В отличие от ровной центральной аллеи, тропа в зарослях, уводящая на колокольный звон, неизменно шла вверх. Примерно через полчаса она вывела Хомякова к увитой диким плющом, шаткой от времени чугунной ограде парка, за которой, на противоположной стороне улицы, высился собор о пяти куполах с вызолоченными шестиконечными звездами по синей эмали купольных шатров и венчающими их золочёными византийскими крестами. Непрекращающийся колокольный звон стекал густым невидимым потоком с высокой стройной звонницы с золоченым же острым шпилем. И собор, и звонница, и заново мощённый белым камнем двор за новой каменной оградой недавно, как решил Павел Сергеевич, подверглись капитальному ремонту. Следы его сразу бросались в глаза: горка битой каменной плитки и бетономешалка, заляпанная застывшими подтёками раствора в углу двора.

О том, что сегодня один из самых значимых православных праздников — Троица, свидетельствовали разбросанные по двору, по крыльцу собора срезанные травы и ветки. Они уже успели увянуть с начала дня на горячем солнце и вовсю благоухали тем не передаваемым словами бодрящим духом крестьянского сеновала, каким он пребывает недолгие дни после первой летней загрузки.

Хомяков очень кстати вспомнил стихотворение весьма популярного в начале XX века православного поэта священника Фёдора Пестрякова.

*На Троицын день есть обычай прекрасный
С цветами во Храм приходить:
Как много в нём силы и нежной и властной
Застывшее сердце смягчить.*

*Весеннее утро: и блеск, и прохлада,
И песни весёлые птиц;
Вся в зелени церковь, вся в блеске наряда,
И радостью веет от лиц.*

Отчётливо вспомнилось Павлу Сергеевичу, как год назад в полупустой полуденной электричке, следовавшей из ближнего Подмосковья в Москву, коммивояжер, предлагающий пассажирам православную литературу, продал ему, находящемуся после недавнего крещения в самом начале воцерковления, православный календарь сроком на два десятилетия. Отпечатан он был на плотной мелованной бумаге и сложен, как иконный складень, из трёх узких фрагментов. По центру обложки располагалась икона с ростовыми фигурами святых старцев оптинских, а под иконой была напечатана их

молитва. Текст её легко втёк в сознание Хомякова, вызвав тихое ликование. Так ясно, доходчиво, мудро ещё ни одна молитва не входила в его сознание, хотя по форме молитва оставалась вполне традиционной: обращение смиренного христианина к Господу.

Особенно врезалась в сознание строфа с просьбой дать молящемуся старцу силу перенести “утомление наступающего дня” и все события в течение дня. Со всей очевидностью Хомяков осознал день грядущий как новое утомление, которое следует стойчески перенести. Да, это стариковское мироощущение, старческое мировоззрение, но что поделать, если именно такое мироощущение-мировоззрение всё в большей мере завладевало им?.. И при этом осознание истаявающих жизненных сил, которых, дай Бог, хватило бы на достойное преодоление наступающей старости, не угнетало Хомякова, а наполняло смирением и успокоением. “Дай мне силу перенести утомление наступающего дня...”

...В сентябре, когда наконец-то спала изнуряющая жара, и воздух очистился от едкой гари подмосковных торфяных пожаров, из германского Ганновера пришла радостная весть: работающая по контракту в местном оперном театре дочь Хомякова Александра родила ему долгожданного внука. Назвали Филиппом Илиёй Александром, тройным именем, как принято в Западной Европе, а по-русски просто — Филей.

Жена, которая заранее выехала в Германию к родам дочери, поведала счастливому деду по телефону подробности: сообщила идеальные параметры изометрии внука, активно используя художественные тропы, определила цвет его глаз, волос, тембр голоса — признаки, указывающие на русскую родню. Получалось со слов жены и дочери, что Филипп — вылитый Хомяков, только в лучшем издании. И красавец писанный, и обаяшка, каких поискать, и характера золотого, покладистого, и силы в ручонках воистину богатырской. А разумник какой, какой взгляд осознанный, как правильно реагирует на слова, к нему обращённые, притом сразу на двух языках!

Сергей Павлович, слушая жену и дочь, скептически посмеивался и снисходительно улыбался. Снисходительно к женской восторженности и чрезмерности, однако в глубине души верил в каждое слово об исключительности уже всей душой обожаемого внука.

Привезли новорожденного в Москву к концу декабря, к католическому Рождеству, которое празднуется в Европе как главный в году праздник. Привезли после долгих переговоров-уговоров с родителями, после консультаций с педиатрами и психологами, привезли до мая следующего года, когда ганноверская опера завершала сезон.

Сезон же Александре предстоял, без преувеличения, уникальный: помимо показа текущего репертуара театр взялся поставить полностью оперную тетралогия Рихарда Вагнера “Кольцо Нибелунга” и пригласил для этой цели ведущих в германоязычной опере дирижёра и режиссёра! Участие в таком проекте — бесценный опыт для всякого музыканта.

По заведённой в семье традиции встречал дочь в аэропорту и затем провожал Сергей Павлович. Не стали менять заведённого порядка и теперь, тем более что кто-то всё равно должен был остаться с внуком, и лучше, чтобы этим “кто-то” стала бабушка.

Заранее на метро добрались до Павелецкого вокзала, откуда регулярно следовали в Домодедово экспресс-электрички. Как только объявили посадку, Хомяков подхватил чемодан Александры и направился по пустынному перрону к первому вагону, но дочь решительно остановила его. Доводы её были разумны и оттого убедительны; к чему тратить несколько часов, лучше возвращайся, папочка, домой и будь с мамой и внуком. Признаться, он сам более всего хотел именно этого, оттого легко дал уговорить себя.

Всё же Сергей Павлович препроводил дочь в почти что пустой вагон, помог наилучшим образом разместить её необременительный багаж, дождался у окна на перроне, пока поезд неслышно тронулся с места. Дочь приветливо улыбалась отцу, махала рукой, посылая воздушные поцелуи, но по выражению глаз её Хомяков понимал, что она уже не здесь, а в ставших для неё привычных заботах о своей семье, своей работе, своей карьере...

Ближе к вечеру позвонила подруга жены и сообщила о теракте в Домодедово. Хомяков тотчас включил телевизор. С тех пор, как в доме поселился внук, столь нелюбимым его бабушкой “дудлом” пользовались неохотно и строго дозированно.

На Первом, официальном канале завершался спецвыпуск, но буквально через несколько минут начался вновь. Хроники было совсем мало, лишь короткий, снятый случайным свидетелем на видеокамеру мобильного телефона ролик, примерно в два десятка секунд. Повторяли его раз за разом по кольцу, а на фоне расплывшихся кадров вспышки взрыва и задымленного помещения, из которого люди на глазах разбегались во все стороны, кто куда, — диктор повторяла скудную информацию: подрыв совершён в зоне прилёта, есть пострадавшие, которым оказывается необходимая помощь, начато следствие...

Хомяков по опыту неоднократных посещений аэропорта знал, как далеко разведены в нём зоны прилёта и отлёта, почти к противоположным торцам гигантского здания. Понимал, что Александре нечего делать в пострадавшей от теракта зоне прилёта, да её никто туда и не пустил бы, особенно после того, как она прошла таможенно и погранпост, но...

Все усилия дозвониться до служб аэропорта, как и предполагал Хомяков, оказались тщетными. Каждая попытка Сергея Павловича заканчивалась сигналом “занято”. При этом он был уверен, что с большинства телефонных аппаратов сотрудники аэропорта попросту сняли трубки.

Молчал и мобильный телефон Александры. Что особенно пугало родителей, именно молчал. В предшествующие разы, до перехода на германский роуминг, её мобильный оператор сообщал о временной недоступности абонента, а теперь из телефонной трубки в московскую квартиру Хомяковых втекал парализующий волю холод абсолютной тишины, словно сам телефонный аппарат перестал существовать...

В гнетущей тишине предельно напряжённые дед и бабка тщательнее, чем обычно, искупали Филю и покормили, сами же не притронулись к ужину. Вскоре сон сморил малыша, и его уложили в спальне на кровать Сергея Павловича. Крохотный диктатор ещё в фатерланде наотрез отказался спать в детской кроватке, предпочитая с первых своих дней в мире засыпать под боком у матери, а теперь вот — под боком у бабушки.

Ничто не могло отвлечь Хомякова от тревожных мрачных мыслей, занять хотя бы на короткое время. Он даже не пытался читать, включил и вскоре выключил компьютер, ибо интернет ничего нового по отношению к телевидению не сообщал о трагедии в московском аэропорту.

Сергей Павлович опустил в кресло возле ложа внука. Кресло это специально приобрели за несколько дней до приезда Александры с Филей, чтобы можно было так вот тихонечко устроиться в нём и наслаждаться зрелищем спящего сокровища.

Любимый внук мирно спал, смежив веки с длинными, загнутыми вверх рыжими немецкими ресницами и трогательно надув губки. Правая рука его была откинута почти под прямым углом к кровати бабушки, левая, согнутая дугой, обрамляла головку. Хомяков хорошо помнил, что в такой позе часто спал его тесть, прадед Филиппа.

Но вот малыш зашевелился, зачмокал беззубым ртом, повернулся на бок и, растопырив три пальца на левой руке — большой, указательный и средний — словно подпер ими голову у виска. Это была уже поза сна другого прадеда Фили — отца Сергея Павловича. Александра, которая не застала деда в живых, считала, что это жест её отца. Может, так оно и есть, со стороны видней...

“Сиротинушка”, — жалостливо подумал о внуке Хомяков, и тотчас обрутал себя последними словами. Как можно?! Но вековечный инстинкт был сильнее: только лишь предположения о неблагоприятном исходе для одного любимого человека заставляло перенести на другого, оставшегося, всю любовь-жалость.

Хомяков поднялся на ноги и, осторожно перемещая по ворсистому ковру кресло, придвинул его вплотную к кровати. Это тоже была часть задумки:

широкое массивное кресло в такой позиции надёжно оберегало внука от падения во сне с кровати.

Жена лежала в гостиной на диване перед выключенным телевизором, поджав ноги и плотно прижав к груди руки. Взгляд её наполнился обидой за ничем не заслуженные страдания.

— Она уже в Берлине, — объявила в пространство перед собой жена. — Может быть, даже на вокзале.

Хомяков глянул на настенные часы, но, в отличие от супруги, так и не смог провести простенькие расчеты и отделался глубокомысленным предложением:

— Возможно...

Возможно... всё возможно в этом лучшем из миров... Взрывать, убивая, рвать душу бесконечной неопределенностью!... Боже, смилостивься!...

Пяťась, Хомяков вышел из гостиной, прошел в кабинет, опустился в кресло перед письменным столом и, не сдерживаясь, дал волю копившимся в нём слезам.

Боже, будь милостив!..

*...Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что принесёт мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня и наставь и поддержи меня... — оказывается, он в процессе неоднократного повторения запомнил-таки текст молитвы оптинских старцев. Этот факт представился Хомякову добрым знамением, и он с ещё большим чувством предался молитве, перейдя с чтения про себя к чтению вполголоса: *Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твёрдым убеждением, что на всё святая воля Твоя. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что всё ниспослано Тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.**

Зазвонил телефон. Павел Сергеевич слышал, как жена, словно подброшенная невидимой рукой, буквально слетела с дивана и зашпорила к телефонному аппарату, мелко перебирая ногами в мягких войлочных чулках.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня.

Телефонные звонки оборвались. Хомяков, словно находясь сейчас подле жены, видел, как она кошачьим движением руки сняла трубку с телефонного аппарата, осторожно поднесла к уху и затаила дыхание, трепетно ожидая и страшась голоса с другого конца телефонной связи. В квартире воцарилась непереносимая тишина.

Руководи моею волею и научи меня каяться, молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать, благодарить и любить всех.

— Сашенька?..

Хомяков словно не услышал, а прочел с её губ это ликующее слово.

— Доченька!!!

Аминь.